Полицейский участок. Комната для совещаний.

Наблюдая за всем, что происходило в допросной через монитор на столе, начальник прижал пальцы к вискам и вздохнул.

- ...похоже он совершенно не осознает всю важность секретности в Войне за Святой Грааль.

Затем, нахмутив брови, он отдал распоряжения своему секретарю, которая стояла рядом с ним:

- Снимите обычных офицеров с дальнейшего наблюдения и допроса. Назначьте на это дело членов клана Калатин. Произведите процедуру изменения памяти всем, кто сейчас находится с ним в допросной.

- Так точно, - отсалютовала она. Начальник, тем временем, взял в руки меч, лежавший на столе.

- ...это конфискованный у него Благородный Фантазм?

- Да, сэр. Похоже, это не более чем декоративный меч... но, возможно, причиной тому то, что его настоящее имя не было высвобождено.

- Нет, это и вправду самый обычный меч. Я не чувствую в нем даже намека на магическую энергию, - сказал начальник, и внезапно его осенило. - ...только что, когда он перешел в призрачную форму, меч исчез?

- Не могу сказать, сэр... я тоже следила за происходящим на экране и не заметила.

- Хмм...

Согласно докладу от наблюдательной группы Фалдеуса, прошлой ночью Гильгамеш «стрелял» сотнями, может, даже тысячами Благородных Фантазмов. Теперь же, однако, от них не осталось ничего, ни малейшего обломка. Разумеется, всегда была вероятность того, что Фалдеус лгал, но дело, скорее всего, было в том, что некая сила вернула выпущенные Фантазмы в сокровищницу Гильгамеша.

- В Войне за Святой Грааль еще много неизведанного. Похоже, нам нужно подумать над связью Героических душ с их оружием и снаряжением.

Не сводя глаз с «меча Сэйбера», который был очень даже реальным и осязаемым в его руках, начальник начал размышлять о дальнейших действиях.

- Позже спрошу Кастера, что он об этом думает... хотя вряд ли я получу от него прямой ответ.

Затем, положив меч обратно на стол, он направился к двери.

- Поговорю с девушкой, которая, похоже, приходится Сэйберу Мастером.

- Разве прямой контакт не опасен? - в слова секретаря закралась тревога.

- ...если я отправлю к ней члена клана Калатин, и выяснится, что это ловушка, риск будет тем же, - холодно ответил начальник. - Не будь у меня решимости оказаться в самом пекле, я бы никогда не прибегнул к этим тактикам.

В то же время. Другое помещение полицейского участка.

Аяка, которую уже допросили и запихнули в камеру — «КПЗ» или, как еще говорят, «за решетку» — чувствовала себя изможденной.

Она лежала на нарах лицом вверх, не потрудившись снять очки. Вместо железных прутьев ее окружали стены и дверь. Она была полностью изолирована. Здесь было чище, чем Аяка себе представляла. Если не обращать внимание на небольшие размеры помещения, пребывать здесь, казалось, было гораздо приятнее, чем ютиться в палатке или ночевать в дешевом отеле в компании комаров и клещей.

Аяка слышала, что в Америке люди не делали существенных различий между тюрьмой и исправительным центром. Впрочем, Аяка сама не знала, в чем разница. В любом случае, факт оставался фактом — она здесь надолго. Смирившись, она посмотрела в потолок и решила немного отдохнуть.

Но волнение не давало ей заснуть. В голове гремели вопросы с ее допроса. Кто она такая? Откуда? Что делала в том театре? Она явно была японкой, значит, зачем прибыла в Америку? Длинная череда вопросов, призванных выявить прошлое подозреваемого. Это был вполне резонный и прямолинейный порядок действий, но для Аяки он вдруг оказался невыносимо болезненным.

Ох, ненавижу это. Ненавижу.

Даже вспоминать больно.

Нет, все не так. Я не раздражена.

Я просто не хочу вспоминать, потому что мне страшно.

Путешествуя по этой стране, ей удалось забыть прошлое. Убежать от своих грехов.

Я уже давно не видела ее, но...

Девочка в красном капюшоне, появившаяся перед ней в оперном театре. От одной лишь мысли об улыбке, сокрытой в тени капюшона, Аяку прошибал пот.

Ей пришлось несколько раз прокатиться на лифте, пока ее таскали по участку, и каждый раз она чувствовала себя так, словно ее подвесили на крюки для говяжьих туш. Она не знала, сколько лет прошло с тех пор. Она всеми силами старалась даже не входить в дома с лифтами. Потому что она знала, что когда ее взгляд остановится на дверях лифта, за ее спиной возникнет девочка в красном капюшоне.

Офицеры полиции, судя по всему, не видели ее, но Аяка определенно чувствовала ее присутствие в лифте участка. Аяка, бледная от страха, твердо смотрела прямо перед собой, стараясь не замечать ее, беспрестанно твердя себе: «Мы чужие друг другу. Меня это не касается.»

В конечном счете, Аяка не могла сказать, была ли эта девочка призраком, проделками ее разума или же чем-то совершенно иным.

Аяке важно было лишь то, что она могла видеть девочку в красном капюшоне.

Она приехала в этот город, чтобы убежать от этой девочки, поэтому почему все закончилось вот так? Аяка уже приготовилась вновь задуматься над этим вопросом, как ее ситуация внезапно изменилась.

- Все хорошо? Вид у тебя уставший.

Юноша из оперного театра без всякого предупреждения возник в углу ее камеры.

- ?!

Аяка испуганно вскочила. Юноша, каким-то чудом проникший сюда незамеченным, сказал:

- Незачем так удивляться. Пройти сквозь стену для меня раз плюнуть в призрачной форме. Мой допрос приостановили, и меня поместили в одну из камер по соседству, так что я решил тебя проведать.

Он с легкостью проник в полностью изолированную камеру. Возможно, он и вправду был кем-то, вроде духа. Теперь их разделяло гораздо меньшее расстояние, чем в оперном театре, и Аяка встала так, чтобы держать его в поле зрения. Прижавшись спиной к стене, она открыла рот и резко произнесла:

- ...Я вроде сказала оставить меня в покое.

- Разве ты не мой Мастер? - спросил юноша.

- ...Вот именно. Я не твой Мастер, что бы это ни значило.

Аяка хотела, чтобы ее ответ прозвучал, как резкий отказ, но юноша, услышав это, улыбнулся, словно озорное дитя.

- Тогда, полагаю, это значит, что я не обязан тебе подчиняться!

- Что...

- Теперь я могу надоедать тебе сколько душе угодно. Я буду лично о тебе заботиться, так что будь к этому готова, - в голосе его звучала радость. Аяка покачала головой. Ей это надоело.

- Прошу, просто оставь меня в покое.

- Я люблю всеми силами воплощать желания простого люда в жизнь, но есть причина, по которой я вынужден отказать.

- Причина? - с подозрением спросила Аяка, и юноша перешел прямо к сути.

- Думаю, все дело в ритуалах, сокрытых в твоих татуировках... Похоже, что мои энергетические «линии» связаны с тобой, а не с магом, у которого были мои командные заклинания.

- ...Что? - от его обрывистой манеры речи брови Аяки сошлись на переносице.

- Другими словами, я получаю от тебя магическую энергию, что позволяет мне воплотиться в этом мире. Это значит, что наши судьбы связаны, пусть это и нельзя назвать привычными отношениями Мастера и Слуги, - беспечно заявил он ошарашенной Аяке и продолжил: - без тебя я бы, вероятно, не смог даже появиться. Я у тебя в долгу. Благодарю.

Юноша протянул руку. Аяка оттолкнула ее и сердито посмотрела на него.

- ...если хочешь вернуть долг, оставь меня в покое.

- Отказываюсь! Я буду о тебе заботиться. Ну и надоедать, конечно же. Я спасу тебя, даже если ты будешь бушевать и убеждать меня, что тебе это не нужно. В конце концов, если ты умрешь, я исчезну и не смогу заполучить Святой Грааль.

- Ты хочешь меня спасти от чего-то...?

- Разумеется. От других участников этой войны. Мастер или нет, пока ты снабжаешь меня энергией, твоя жизнь, естественно, будет под угрозой.

- Хуже и быть не может... - Аяка обхватила руками голову.

- Думай позитивно, - сказал ей юноша. - Например, в сравнении с ситуацией, когда с тебя сдирают всю кожу и начинают обсыпать солью, твое положение гораздо лучше, ведь ты не чувствуешь боли.

- Ну и примеры у тебя...

- Мне часто говорили, что я во всем дохожу до крайности, - смущенно произнес юноша, словно ему только что сделали комплимент. Аяка, видимо, осознав, что отговаривать его бесполезно, решила побольше узнать про него и сменила тему.

- Ты ведь из знати, верно? Разве арест органами правопорядка не уязвляет твою гордость?

- Это лучше, чем мое заточение в горной крепости. Я могу выйти прогуляться, когда захочу. Более того, если бы тебя наказали за мои поступки, это ранило бы мою гордость гораздо сильнее. О, но я не просто ради гордости тебе помогаю.

- Сказала же, не нужна мне твоя помощь...

Аяка раздраженно вздохнула. Он продолжал говорить с ней в легкомысленной манере, что было совсем не похоже на речь, которую он произнес, стоя на крыше пожарной машины.

- Пока что зови меня Сэйбером. Позорно, конечно, держать свою личность в тайне от покровителя, но, рано или поздно, я найду возможность назвать тебе свое настоящее имя.

Затем Сэйбер повернулся к Аяке с серьезным видом.

- Не расскажешь мне кое-что? Что ты там делала? Что это за татуировки? - поинтересовался он. Однако после его лицо на мгновение накрыла тень беспокойства, и он, покачав головой, задал более важный вопрос.

- ...Прости. Сначала назови мне, пожалуйста, свое имя.

Полицейский участок. Коридор.

Начальник полиции, не подозревая о том, что Сэйбер сейчас разговаривал с Аякой, слегка ускорил шаг, направляясь к камерам. Однако у лифта его нагнала сотрудница участка.

- Вот Вы где, шеф! К Вам посетитель.

- Скажите ему, что... Хотя нет, подождите...

Если к нему пришел политик или кто-то в этом роде, он отложит встречу, но, возможно, это был Фалдеус или Куруока.

- ...Кто это?

- Ну... он назвался священником, но мне показался подозрительным...

Священник.

Начальник нахмурился. Он подумал об еще одной вероятности. Вскоре она переросла в подозрение, и следующие слова сотрудницы доказали это.

- Он лишь сказал: «Передайте ему, что дело касается чаши, украденной из Японии. Он поймет.»

<http://tl.rulate.ru/book/6511/143269>